

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

С. Ю. Гуцол

*кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологи и педагогики,*

Р. А. Залеская

*специалист факультета социологии и права
Национального технического университета Украины
«Киевский политехнический институт»*

Статтю присвячено аналізу міфологічних атрибуцій психотерапії. Виділено й проаналізовано основні міфологічні аспекти психотерапевтичного простору в сучасній культурі. Обґрунтовано, що психотерапія, як жодна інша галузь спеціального знання, схильна проникати у значимі сфери екзистенціального досвіду, піддаючися при цьому інтенсивному міфологізаторському редагуванню. Підкреслено, що психотерапевтичні відносини є відносинами спільної міфотворчості; у психотерапевтичному процесі схрещуються шляхи як мінімум трьох міфологічних систем: професійної міфології психотерапевта, особистісних міфологій клієнта і психотерапевта. Доведено, що психотерапію можна проартикулювати як свого роду міфологію, а її ефективність може визначатися наявністю адекватного міфологічного простору для клієнта. Показано, що функції сучасної психотерапії в певному сенсі відповідають давнім ритуалам ініціації, втраченим у сучасному суспільстві. Описано міфологічну модель психотерапії, що фокусується на культурному й духовному аспекті розвитку особистості.

Ключові слова: психотерапія, міф, міфологічні атрибуції, символ, ритуал.

На сегодняшний день психотерапия стала неотъемлемой частью современной культуры. И если еще некоторое время назад традиционно считалось, что психотерапевтическая теория отражает закономерности функционирования психики и связанные с ними механизмы формирования травматического опыта, и что адекватное понимание проблемы клиента позволяет найти результативные способы ее решения, то сейчас все чаще в научной литературе можно встретить достаточно напряженные дискуссии относительно значимости теоретических оснований в психотерапевтической практике.

Скептические настроения по поводу роли теоретического базиса в профессиональной деятельности психотерапевта, прежде всего, обусловлены так называемым парадоксом эквивалентности, заключающимся в практически одинаковой эффективности использования при решении одних и тех же проблем разных методов, принципиально отличающихся друг от друга по теоретическим и техническим параметрам. В этой связи Л. Люборски удачно приводит выражение птицы Додо из «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла: «Все выигрывают и каждый заслуживает награду». Так, в специальной литературе парадокс эквивалентности психотерапевтической практики получил название «приговора Додо» [24].

В русле выше сказанного, еще более двадцати лет назад Дж. Хейли сформулировал достаточно неожиданный тезис о том, что теория является лишь артефактом психотерапии. Согласно его взглядам, психотерапия представляет собой процесс особым образом организованного взаимодействия между психотерапевтом и клиентом, никак не связанный с теоретическими концепциями, который ведет к результату, а теория – чуть ли не бесполезный плод досужего ума, стремящегося все на свете объяснить [22].

Среди различных подходов к решению обозначенной проблемы нам кажется перспективной концепция А. А. Пузыря, согласно которой теория является необходимым звеном психотерапии, поскольку именно усвоение клиентом заложенного в теории образа человека и неожиданная трактовка его проблем ведут к излечению [10]. С нашей точки зрения, этот подход в корне меняет представление о сущности и роли психотерапевтической теории: становится неважным, соответствует ли она действительности, правильно ли отражает механизмы проблемообразования и т. д., важен лишь тот эффект, который она произведет, став частью сознания клиента.

В контексте обсуждаемой проблемы М. М. Огинская и М. В. Розин считают, что теория психотерапии – не что иное, как миф,

организуящий представление клиента о себе и о мире, миф полезный, хотя часто противоречащий другому «полезному мифу» [7].

Здесь уместно процитировать А. И. Сосланда: «Сфера психологии легко поддается мифологизации, по вполне понятным причинам. В качестве всем известного, банального соображения можно привести хотя бы то, что психика открыта действию множества различных факторов одновременно, которые плохо поддаются эффективному учету, даже в условиях применения самых современных исследовательских технологий. Сложный многофакторный механизм психики особенно осложняет исследование ряда «интересных» сфер и проблем, в частности таких, как эффективность психотерапии. Как нам уже доводилось отмечать, лишь довольно небольшой объем психотерапевтического дискурса обеспечен экспериментальными исследованиями» [11, 190].

Внутри огромного психотерапевтического пространства сосуществуют, сталкиваются, противостоят не столько различные типы научного знания сколько разные мировоззрения, культуры, разные жизненные правды, основывающие свою специфическую этику и «философию жизни», а это уже вопросы скорее веры, мифологии, чем науки. Психотерапия, как никакая другая область специального знания, склонна проникать в значимые сферы экзистенциального опыта, подвергаясь при этом интенсивному мифологизаторскому редактированию. «Психотерапия является довольно мощным мифом, который занимает стабильно прочное и солидное место в антологии человеческих ценностей наших дней» [18, 10].

Таким образом, согласно взглядам многих исследователей, психотерапевтическая теория может быть проартикулирована как своего рода мифология, а эффективность терапии может определяться наличием соответствующего адекватного мифологического пространства для клиента. В тоже время, анализ научной литературы по данной проблеме показал, что мифологические свойства психотерапии на сегодняшний день исследованы недостаточно, и чаще всего их изучение заканчивается на декларировании факта их очевидного наличия.

Исходя из выше сказанного, мы определили предмет данной статьи как мифологические атрибуты психотерапии. Целью нашего исследования является выделение и анализ мифологических аспектов психотерапевтического пространства в современной культуре.

«Термин «психотерапевтический миф» уже давно употребляется в западной психологии. Под мифом понимают специально сформулированные для клиента психологические

знания, объясняющие суть проблемы и процесс лечения. Наличие и необходимость подобной мифологизации редко отрицается, однако можно обнаружить, что в реальном процессе психотерапии очень трудно отделить «представления для клиента» от «представлений для себя». Какое бы направление мы ни взяли, практически всегда клиент, окончив лечение, усваивает теорию психотерапии. Таким образом, по функции теория целиком, а не только ее особо сформулированные части, оказывается мифом» [7, 10].

Действительно, каким бы ни был концептуальный подход, психотерапевт неминуемо сталкивается с проблемой представления клиенту собственной концепции психотерапии, с введением некоей единой системы понятий, однозначной «мифологии», известной и терапевту и клиенту.

«Подобно понятию душевная болезнь, психотерапия – это метафора, и, будучи расширенной метафорой, она представляет собой миф. <...> Термин психотерапия может использоваться как феноменологическая метафора. <...> Коротко говоря, термин психотерапия обозначает различные принципы (секулярной, то есть светской) этики и их применение на практике. Таким образом, каждый метод и каждая школа психотерапии представляет собой систему прикладной этики, выраженную в идиоме лечения. Каждый из этих методов и каждая из школ несет на себе отпечаток особенностей личностей их основателей и приверженцев, их устремлений и ценностей» [9, 178-179].

Ф. Перлз подчеркивал, что «бессознательное» и «либидо» настолько же реальны для фрейдистов, насколько для бихевиористов реальны «рефлекторная дуга» и «стимул-ответ». Эти термины стали предметом веры» [8, 34]. По мнению К. Г. Юнга, «правда это, или нет – не важно. Важно лишь – что это моя сказка, моя правда» [20, 16].

Метафорическая коммуникация как неперенный атрибут психотерапевтического дискурса, занимает важное место в теоретических основах большинства психотерапевтических школ, формируя систему базовых понятий. «Примером может служить использование Фрейдом сексуальной символики в качестве инструмента для понимания сновидений, фантазий и «бессознательных» ассоциаций. Юнг изобрел метафоры «анимуса» и «анимы». Рейх изобрел «оргон». Гуманистическая психология говорит о «пик-переживаниях», в то время как механисты рассуждают о «маленьком черном ящике». У Берна были «игры», у Перлса – «верхняя» и «нижняя» собаки, а Янов говорил о «первичном» опыте» [2, 11].

Исходя из концепции М. М. Огинской и М. В. Розина, мифологические представления, усваиваемые клиентом, касаются не только его жизни в целом, но и самого процесса психотерапии. Клиент должен научиться быть клиентом: понять, какое поведение от него ожидается и почему это поведение принесет облегчение [7]. Например, гештальттерапия будет эффективна в том случае, если клиент научится открыто выражать свои чувства и поверит в декларируемую терапевтическую ценность переживания.

Таким образом, усвоение клиентом психотерапевтической теории (пусть даже в самой упрощенной форме) совершенно необходимо, поскольку оно создает правильную психологическую установку: действия, которые клиент производит, связываются в его сознании с разрешением проблемы. По точно той же причине ведут к исцелению и магические ритуалы. «Любая психотерапевтическая система представляет из себя миф, реализующий себя специфическим психотерапевтическим ритуалом» [15, 17].

«Отсюда, наша ностальгия по ритуалу, ибо он обладает огромным психотерапевтическим воздействием, будучи веками отработанным сценарием выхода из кризисной эмоциональной ситуации. Для представителя традиционной культуры ритуал – единственно возможный способ переживания критических ситуаций» [1, 3], в народной культуре все поворотные точки (как в жизни человека, так и в жизни социума) не просто преодолевались с помощью ритуалов, но вообще не имели неритуального оформления [1, 22].

Очевидно, ритуал относится к числу символических форм поведения, являясь высшей формой и наиболее последовательным воплощением символичности вообще, символической *per se*, без опоры на материальную сторону бытия. «Существенно, что только для человека символические формы поведения могут приобретать более высокий статус, чем естественные («натуральные») формы поведения. Лишь на человеческом уровне знак важнее и насущнее, т. е. «реальнее» того, что он обозначает» [14, 54]. «Воображаемые приборы оказывают более эффективное действие, чем реальные» [19, 6].

Для эффективности «магических» ритуалов в психотерапевтическом процессе необходимо соединение действия и веры в его эффективность; вера же у современного человека должна быть основана на представлении о механизме влияния действия на внутреннее состояние – желательно, чтобы это представление было подкреплено определенными научными данными.

Подчеркнем, что связь современной психотерапии и магии обсуждалась западными авторами неоднократно. Так, родовое сходство психотерапии с ритуалом очень убедительно продемонстрировано К. Леви-Строссом в работе «Структурная антропология» [5].

Колдун вызван к роженице, которая не может разрешиться от бремени. Сядясь возле больной, он рассказывает историю о том, как его помощники отправляются в путь внутрь ее тела, с тем чтобы пройти «дорогой Муу» (Муу – душа матки, вышедшая из повиновения «главной душе» Пурбе и не дающая телу гармонично функционировать), сразиться с ней и вернуться обратно. Основная часть рассказа колдуна посвящена именно процессу пути. Описывается долгая дорога к «жилищу Муу» (на этом пути герои буравят стены, разрезают нити, сражаются и т. п.); затем происходит краткое сражение и долгое путешествие назад (подробное повествование о героях, прокладывающих путь). С последними словами колдуна о том, что герои выходят вовне, и вместе с ними выходит ребенок, происходит реальное рождение младенца.

«Ритуал в архаическом и традиционном обществе стремится поглотить событие. Так, сами роды – лишь эпизод в структуре родильной обрядности. Ритуал рождения ребенка начинается гораздо раньше родов, а завершается через весьма продолжительное время после» [1, 38].

К. Леви-Стросс назвал эту главу «Эффективность символов». По сути, в пространстве мифологического мышления история, рассказанная колдуном, обретает статус особой реальности как для него, так и для пациентки. Очевидно, что, хотя никакого реального путешествия не совершается, его психотерапевтический эффект неоспорим. Смысл описанного песнопения заключается в том, что оно переводит неопределенные ощущения больной в четко локализованные, понятные и, предоставляя ей соответствующий язык, превращает ситуацию в безопасную, не таящую в себе ничего угрожающего. Объективная «правильность» мифа, лежащего в основе этой терапии, не имеет принципиального значения.

«То, что мифология шамана не соответствует реальной действительности, не имеет значения: больная верит в нее и является членом сообщества, которое в нее верит. Злые духи, духи помощники, сверхъестественные чудовища и волшебные животные являются частью стройной системы, на которой основано представление аборигенов о Вселенной. Больная принимает их существование или, точнее, никогда не подвергала его сомнению. То, с чем она не может примирить-

ся, это страдания, которые выпадают из системы, кажутся произвольными, чем то чужеродным. Шаман же с помощью мифа воссоздает стройную систему, найдя этим страданиям в ней соответствующее место» [5, 204-205].

В определенном смысле, различия между деятельностью шамана и, например, психоаналитика, непринципиальны: в обоих случаях цель заключается в том, чтобы перевести проблемное поле в область особого рода переживаний, при которых конфликты реализуются в плоскости, позволяющей человеку осуществить некоторую деятельность, пусть даже чисто символическую. «Из того факта, что шаман не анализирует психику своего больного, можно сделать вывод, что поиски утраченного времени <...> являются лишь видоизменениями (ценностью которых пренебречь нельзя) основного метода» [5, 212].

При этом переоценка субъективной эффективности приводит к феномену «квесалидизма» в деятельности психотерапевта. Данный термин был заимствован у Ф. Боаса, который описал историю туземца по имени Квесалид, не верящего в могущество колдунов, побуждаемого желанием раскрыть их обман и неожиданно добившегося собственного посвящения в шаманы. Его обучили симулировать обмороки, петь магические песни, использовать «видящих», т. е. шпионов, обязанных подслушивать частные разговоры и тайно сообщать шаману сведения об источнике и симптомах болезней. Когда же Квесалид решил окончательно разоблачить колдунов, он столкнулся с тем, что его лживые приемы приносили очевидный терапевтический эффект и громкую славу шамана, что заставило его переосмыслить свое отношение к колдовству [21].

Таким образом, суть феномена «квесалидизма» заключается в том, что как никакой терапевтический эффект магических ритуалов не может обосновать существования таких хронотопов, как демоны, злые силы и пр., так и никакой успех практикующего психотерапевта не доказывает научной обоснованности теоретических постулатов, лежащих в основании используемой им техники.

Возвращаясь к сущности ритуала, подчеркнем, что в нем очевидным образом реализуется семиотический двойник того, что было «в первый раз» и что подтвердило свою высшую целесообразность уже самим фактом существования и продолжения жизни. С точки зрения архаического сознания, ритуальная реальность является не условной, а подлинной, единственно истинной реальностью, которая как бы высвечивает ту сторону вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни

ни затемнены, не видны, но на самом деле определяют их истинную суть и назначение. Отсюда и вытекает двойственность явлений, способность быть чем-то одним в быту и совершенно другим в ритуале, та двойственность, которая обеспечивает удивительное переключение с уровня ежедневной жизни, забот и рутины на уровень актуальных ценностей. В контексте выше сказанного, функции современной психотерапии могут в определенной степени соответствовать древним ритуалам инициации, утраченным в современном обществе [1].

В этой связи, Ю.В. Дунаева предложила, с нашей точки зрения, достаточно интересную концепцию психотерапии как инициации, выделила в психотерапевтическом процессе несколько фаз или стадий (переход в новое пространство, агрессия, испытания, обретение знания, возвращение и переименование), соответствующих фазам инициации. С ее точки зрения, в индустриальном обществе оказание помощи при инициации (в традиционных культурах этим занимаются шаманы, знахари, жрецы, маги и т. д.) «доверено» в том числе и психотерапевтам [3].

Действительно, в каждой конкретной культуре человек, занимающий место «практика-психотерапевта», отражает и транслирует мировоззрение и ведущие мифы этой культуры через используемые им технические средства согласно целям, которые он ставит. При этом то, что считается «ненормальным» в одной культуре (например, слышание «голосов», видение духов), может не вызывать никаких проблем в другой. Расстройства, широко распространенные в одной культуре (пороча, одержимость демонами или нервная анорексия и т.д.), могут быть совершенно неизвестны в других. Однако межкультурные исследования обнаруживают между деятельностью психотерапевтов индустриальных обществ и целителей традиционных культур принципиально больше сходства, чем различий.

Обратим внимание, что и сама роль современного психотерапевта «архетипически» может ассоциироваться с положением шамана, занимающего позицию посредника между высшими силами и рядовыми представителями племени. Но для того, чтобы стать обладателем подобной участи, шаману необходимо было самому пройти ряд инициаций (например, символическая смерть, посвящение в потустороннем мире, новое рождение), после которых он становится жрецом – носителем и выразителем запредельного знания, неведомого простому смертному.

Заметим, что современный потребитель ожидает от психотерапевта «признаков подобной иницированности»: будь то престиж-

ный сертификат, подтвержденный международной ассоциацией, или свидетельство, выданное каким-нибудь орденом колдунов. В этом смысле, психотерапевта должно быть определенным образом «структурировано», ибо психотерапевт-«технолог» всегда менее успешен, чем психотерапевт-«идеолог».

В контексте выше сказанного, А. И. Сосланд подчеркивает, что исторически миф о психотерапевте сложился как нарратив о преодолении рамок практической психотерапии. С его точки зрения, все описанные виды экспансии создают основу для совершенно особой идентичности психотерапевта, выделяющей его среди представителей других терапевтических практик. Психотерапевт является не просто лекарем, как хирург, физиотерапевт или даже клинический психиатр, а совершив «доктринальное расширение», становится практическим философом, «патографическое» – искусствоведом, «институциональное» – миссионером-конкистадором. В конечном счете, все эти виды экспансии направлены на беспредельное расширение самоидентификационного поля психотерапевта [13].

Так, согласно взглядам А. И. Сосланда, психотерапия имеет определенную тенденцию в своем развитии, которую он обозначил как «доктринальное расширение». Характерной иллюстрацией этой концепции может послужить психоанализ, который на сегодняшний день очевидным образом превратился из специального лечебного метода в мировоззренческую систему (здесь речь идет и о завоевании больших идеологических пространств, и о встраивании философского дискурса – в психотерапевтический) [13].

Таким образом, терапевтическая идеология выходит за собственные профессиональные границы. «Неудовлетворенность культурой» сама по себе существенно увеличивает размеры идеологического пространства психотерапии [12]. А, в свою очередь, любая теория, претендующая на ту или иную степень глобальности, становится мифом [18].

С другой стороны, «психотерапевт <...> должен противостоять почти неизбежному стремлению (которое мы наблюдаем на практике) превращать психотерапию в мировоззренческое учение, и формировать из круга, образованного им самим, его учениками и пациентами, сообщество наподобие религиозной секты» [23, 685]. При этом К. Ясперс подчеркивает необходимость избавить психотерапию от «стремления» создавать секты, где все группируется вокруг особо почитаемого учителя, «создавать из психотерапии религию».

Очевидно, что психотерапевтические практики являются объектом интенсивного внедрения оккультного и легко впитывают

в себя все omnipotently-мифологическое, в виду высокого уровня ожиданий в этой сфере. Данная тенденция, видимо, неизбежна, ведь терапевт имеет дело с коренной, по отношению ко всем остальным, потребностью в здоровье, обратной стороной которой является страх смерти. Эспектации и страхи очень велики и, в силу этого, легко проецируются на фигуру терапевта, вследствие чего, он наделяется неадекватно завышенной терапевтической потенциальностью [11].

Действительно, в развитых пси-державках пси-персонаж (психиатр, психолог, психоаналитик) нередко становится популярным героем кинематографа, романа, ток-шоу, культурным героем, имеющий достаточно высокий уровень признания. Вокруг него даже складываются определенные кинематографические стереотипы. При этом он может рассматриваться даже как некая сюжетобразующая функция: «может выступать как в позитивной, так и негативной роли. Когда он служит орудием общества по созданию неких рамок, то предстает как проводник репрессивной социальной политики по отношению к личности. «Хороший» пси-персонаж, напротив, осуществляет либеральные, попустительские стратегии» [11, 190].

На постсоветском пространстве, где психологическая наука только начала приобретать популярность, и психотерапевтические сообщества находятся на стадии своего становления, множество людей все еще с недоумением воспринимают профессию психолога, имея смутное представление об особенностях его работы. Так, по результатам Интернет-опроса (1578 респондентов), к основным мифогенным конструктам, описывающим распространённые стереотипные представления о психологах-практиках, можно отнести следующие:

- психолог видит людей насквозь;
- психолог обладает сверхспособностями;
- психолог работает с психически нездоровыми людьми;
- у психолога не должно быть своих проблем;
- психолог дает советы;
- психолог – модная профессия;
- психолог владеет «волшебной палочкой», воздействие которой на человека дает немедленное решение его проблем (психолог решает за людей их проблемы);
- психолог берет большие деньги только за то, что выслушивает людей;
- к психологу обращаются только слабые люди;
- психолог может запрограммировать, загипнотизировать, закодировать и т. д.

В свою очередь, у клиентов, обратившихся за психотерапевтической помощью можно выделить, по меньшей мере, семь основных мифов (интраконцепций) о помощи: житейский, философский, религиозный, оккультный, медицинский, психологический, псевдонаучный [6].

Обратим внимание, что личностная мифология клиента определяет характер, направленность обращения за помощью и, во многом, эффективность решения проблем, эффективность консультирования и психотерапии. При этом личностно-профессиональная мифология «помогающих» лишь оборотная сторона личностной мифологии ищущих помощи. Тем более, что наше время дало возможность вчерашнему клиенту сегодня называть себя «терапевтом» [6, 30].

Можно заключить, что психотерапевтические отношения являются отношениями совместного мифотворчества. Точнее будет сказать, что в психотерапевтическом процессе скрещиваются пути как минимум трех мифологических систем: профессиональной мифологии психотерапевта и личностных мифологий пациента (клиента) и психотерапевта [17, 28].

Согласно взглядам Д. Файнштейна, с точки зрения эволюционирования индивидуальной мифологии, «психотерапия представляет собой процесс, помогающий человеку: (1) войти в больший контакт со своим уникальным внутренним представлением о реальности, называемым здесь личной мифологией; (2) оценить способы, которыми мифология обслуживает или не обслуживает его психологическую адаптацию и развитие; (3) инициировать изменение в сферах мифологии, признанных ограничивающими; (4) интегрировать обновленную мифологию в повседневную жизнь» [9, 217].

Методы работы с индивидуальной мифологией обуславливаются пониманием пути естественного развития личных мифов. Таким образом, интервенции должны быть соразмерены с этим естественным процессом, должны стимулировать его и содействовать его осознанию, при этом, диалектическое напряжение между доминирующими и зарождающимися способами конструирования реальности постоянно должно находиться в центре внимания психотерапевтического взаимодействия. Для работы с этим процессом Д. Файнштейн сформулировал следующую пятишаговую модель.

«1. Определение ведущих мифов и распознавание среди них тех, что не соответствуют текущим обстоятельствам, нуждам и уровню развития.

2. Достижение эмоционально-интеллектуального осознания источников этих дисфункциональных мифов и обнаружение новых тенденций, в которых психика ищет выражения («контрмифов»).

3. Стимулирование синтеза, сплавляющего элементы старого мифа и контрмифа в новый мифологический образ, сочетающий в себе наиболее конструктивные аспекты обоих мифов.

4. Формирование внутреннего императива действий на основе гипотетической реальности этого расширенного и заново интегрированного мифологического образа.

5. Укоренение обновленной мифологии в повседневной жизни» [9, 219].

В своей книге «Исцеляющий вымысел» Дж. Хиллман предлагает выделять жанр «терапевтических вымыслов», что, по его мнению, означает рассказ о человеке, пришедшем на терапию, который записан в его истории болезни [16]. Автор приходит к выводу, что истории болезни имеют различные литературные стили и написаны в различных литературных жанрах. Остановимся подробнее на типологии текстов психотерапевтического жанра (по Дж. Хиллману). Согласно его концепции, существует четыре способа терапевтических повествований: эпический, комический, детективный и бытовой реализм. В зависимости от того, какая мифологическая тема звучит в нарративе, выделяются следующие жанры психотерапевтических историй: 1) алхимический; 2) героический; 3) плутовской или эпизодический; 4) эротический; 5) сатурнический (сенексический); 6) жанр Анимы; 6) дионисийский [16, 26].

Нарратив алхимического жанра у Дж. Хиллмана практически не проартикулирован. Алхимический или мистический жанр представляет собой повествование о трансформации, происходящей с главным героем. Мистическое при этом проявляется в виде действия колдунов, волшебников, различных чудес.

В повествовании героического жанра преобладает миф о Великой Матери или Герое (сражение за независимость от Великой Матери в терминологии К. Г. Юнга). Сюжетобразующими этой архетипической фантазии являются сила Эго, его развитие, самоопределение человека, с которым каждый из нас может себя проидентифицировать. Нарратив этого типа воспроизводит на онтогенетическом уровне повторение героического сражения «за независимость от материнской уроборической клаустрофобии» [16, 26]. Это путешествие Эго: герой способен оказываться в гуще событий любого рассказа, он превраща-

ет все в притчу о пути, чтобы пройти этот путь и стать победителем.

Главный герой плутовского нарратива не испытывает явных трансформаций, он участвует в эпизодических событиях. Его история заканчивается внезапно, не достигая цели. Успех и неудача определяются на основе повседневного опыта. Основное внимание уделяется еде, одежде, деньгам, сексу. Внутри больших нарративов вложены маленькие, которые включены в основной сюжет, показывая развертывание психологических событий одновременно в нескольких местах и у нескольких персонажей. Другие персонажи не менее интересны, чем главный герой, при этом они оказывают значительное влияние на судьбы. В повествованиях плутовского жанра отсутствует изображение устойчивых отношений. Много внимания уделяется персонам, маскам и личинам на всех уровнях жизни. Особое внимание уделяется теневому миру, фигуры которого составляют сферу плутовской рефлексии и понимания, устойчивых отношений, хотя и без морального подтекста. Герой плутовского романа терпит поражение, испытывает депрессию и сталкивается с предательством, но страдания не приводят его к просветлению.

Нарративы эротического жанра изложены в духе Афродиты, когда все внимание уделяется чувственным ценностям. Все события проникнуты личностными соотношениями главного героя. Главный акцент делается на чувственно-сексуальные отношения.

В сенексическом стиле изложения основное внимание уделяется редукциям, которые могут быть либо нисходящими к страху перед кастрацией, к фантазии о всемогуществе, к первоначальному месту действия и т. д., либо восходящими к целостности, Самости. Аналитическая деятельность есть основное действие этого жанра, которая происходит в форме дескрептивных состояний бытия, основных абстрактных сил, действующих в душе. Абстракции и редукции могут быть теоретическими в пределах либидо и его квантификаций, либо историческими, числовыми (кватернер), либо конфигуративными (мандала). В нарративах этого типа всякий образ становится олицетворением чего-то абстрактного. Эти теоретические обобщения чаще всего связаны с какой-то причиной в детстве. События не рассказывают историю, а обнажают некоторую структуру, которая затем применяется во временном разрезе к другим событиям и образам независимо от контекста. В этом контексте задача сознания заключается в распознавании абстракций, постижении структур и законов. При этом функция сознания определяет-

ся способностью рассматривать различные формы защиты и сопротивления.

Повествование в жанре Анимы представляет собой некую определенную форму, где Анима неразрывно связана с образами и фантазиями. Такой рассказ обычно не оформлен в повествовательный сюжет: реагирование на образы и фантазии происходит в метафорической форме, посредством которой сознание проявляется одним из косвенных намеков, рефлексий, отражений, тональностей, едва уловимых развитий одной из сюжетных линий [16].

Дионисийский стиль психотерапевтического дискурса ярко представлен в творчестве К. Г. Юнга, в котором особое значение придается «потoku событий». Дионис – это не безгласная сила, в психологии она говорит на языке театральной поэтики. Повествования могут иметь форму представлений, в которых герой всегда участвует. Эти постановки разворачиваются в реальной жизни и являются архитектурными драмами, где люди являются Масками (Personae), посредством которых говорят Боги (Personare). Процесс исцеления начинается, когда мы становимся действующими лицами некоего вымысла; когда возрастает напряжение драмы, наступает катарсис.

Следует подчеркнуть, что, согласно концепции Дж. Хиллмана, психотерапия способна принести максимальную пользу человеку в случае, если благодаря ей он обучается «помещать» свою жизнь в многообразие выше представленных жанров «без необходимости выбирать один жанр среди других» [16, 26].

Продолжая анализировать мифологические атрибуты психотерапии, следует обратить внимание на оппозиционные компоненты психотерапевтического процесса: терапевт – клиент, контакт – контракт, перенос – контрперенос (с многочисленными производными: раппорт, рабочий альянс, сопротивление, проработка, конфронтация, абстиненция, безусловное принятие и т. д.); личностное – объективируемое; естественность – намеренность; сознательность – бессознательность; иерархичность – равенство и пр. Подчеркнем, что именно мифологическая логика широко оперирует двоичными оппозициями чувственных качеств, реализованными в конкретные образы.

Следующей мифологической характеристикой психотерапевтического процесса, с нашей точки зрения, является цикличность. Так, большинство психотерапевтических техник представляют собой циклы. «Техника начинается в определенных обстоятельствах, она состоит из определенных шагов или действий, и существуют определенные обстоятельства, в которых специалист делает вы-

вод, что техника закончена. Можно, при необходимости, повторно провести этот цикл и оценить его результативность» [4, 681].

Каждый сеанс психотерапии также представляет собой цикл, в нем есть определенный ритуал, определенные способы начала, продолжения и завершения сеанса. Работа с конкретной проблематикой, с точки зрения Б. Д. Карвасарского является циклом: большой цикл может занять несколько сеансов психотерапии, внутри большого цикла реализуются вложенные циклы.

«Цикл решения проблемы пациента может состоять из нескольких циклов сеансов, каждый сеанс – из нескольких циклов техник и каждая техника – из меньших циклов действий. Можно много раз выполнять маленький цикл, прежде чем завершить большой. Психотерапевт хорошо осознает открытие и закрытие циклов, и его действия согласуются с этим. Он легко умеет одновременно отслеживать несколько циклов разной величины» [4, 681].

Психотерапевтический процесс имеет определенный ритм, который может определяться циклом постановки вопроса и получения на него ответа. Данный цикл взаимодействия отличается от цикла повседневной коммуникации тем, что психотерапевту необходимо мотивировать клиента находить собственные ответы. Б. Д. Карвасарский подчеркивает, что в процессе психотерапии существует особый ритм движения вектора внимания: то на внутренние переживания, то на внешние стимулы [4].

Таким образом, психотерапия представляет собой нелинейный процесс, психотерапевт должен постоянно отслеживать, какие

циклы еще необходимо открыть, какие – поддерживать, а какие – уже адекватно закрыть.

Подводя итоги нашего исследования, можно заключить, что анализ психотерапевтической реальности выявляет определенные мифологические тенденции ее функционирования в современной культуре:

- ритуальность форм организации и передачи опыта;
- метафоричность психотерапевтического дискурса;
- тенденция «доктринального расширения» психотерапевтического пространства;
- наличие базовых общекультурных оппозиций;
- гипертрофия механизмов символизации;
- актуализация архитипических составляющих культурного опыта;
- наличие стадий инициации внутри психотерапевтического процесса;
- эволюционирование личностной мифологии клиента;
- высокий уровень эмоциональной насыщенности психотерапевтического пространства;
- наделение пси-персонажа неадекватно завышенной терапевтической потенциальностью;
- цикличность психотерапевтического процесса.

Таким образом, привнесение в психотерапию мифологической перспективы выводит клиническую практику из медицинской модели и помещает ее внутрь совершенно иной, в определенном смысле, мифологической модели, фокусирующейся на культурном и духовном контексте человеческого развития.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240с.
2. *Гордон Д.* Терапевтические метафоры : оказание помощи другим посредством зеркала / Д. Гордон. – СПб.: Белый кролик, 1995. – 196 с.
3. *Дунаева Ю. В.* Психотерапия как инициация. – М.: ООО «РЕАЛ-Н», 2008. – 104 с.
4. *Карвасарский Б. Д.* Психотерапевтическая энциклопедия / Б. Д. Карвасарский. – СПб.: Изд-во: Питер Год, 2002. – 1024 с.
5. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с. – (Серия «Психология без границ»).
6. *Меновщиков В. Ю.* Психотерапевтическая практика: мифы клиентов / В. Ю. Меновщиков // Вопросы психологии. – 1999. – № 1. – С. 25-34.
7. *Огинская М. М., Розин М. В.* Мифы психотерапии и их функции / М. М. Огинская, М. В. Розин // Вопросы психологии. – 1991. – № 4. – С. 10-19.
8. *Перлз Ф. С.* Внутри и вне помойного ведра / Ф. С. Перлз. – СПб.: Петербург-XXI век, 1995. – 448 с.
9. *Психотерапия – что это?* Современные представления / Под ред. Дж.К.Зейга и В.М. Мьюниона / Пер. с англ. Л.С. Каганова. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 432 с. – (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 80).

10. Пузырей А. А. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и современная психология: учеб. пособие по курсу общ. Психологии / А. А. Пузырей. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 115 с.
11. Сосланд А. И. О психологократии / А. И. Сосланд // Московский психотерапевтический журнал. – 2007. – №1 (49). – С. 182-199.
12. Сосланд А. И. Об идеологической сущности психотерапевтического сообщества / А. И. Сосланд // Московский психотерапевтический журнал. – № 2 (40). – 2004. – С. 21-43.
13. Сосланд А. И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психиатрии / А. И. Сосланд. – М.: Логос, 1999. – 368 с.
14. Топоров В. Н. О ритуале: Введение в проблематику / В. Н. Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / Отв. ред. Е.С. Новик. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – С. 7-60.
15. Тукаев Р. Д. К вопросу о миссии психотерапии / Р. Д. Туркаев // Психотерапия: ежемесячный рецензируемый научно-практический журнал. – 2005. – № 3. – С. 17-18.
16. Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. / Дж. Хиллман. – СПб.: Б.С.К., 1997. – 180 с. (Серия «Библиотека аналитической психологии»).
17. Цапкин В. Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта / В. Н. Цапкин // Московский психотерапевтический журнал. – 1992. – № 2. – С. 5-40.
18. Цветков Э. А. Психономика или Программируемый человек / Э. А. Цветков. – М.: Лань, 1999. – 192 с.
19. Эриксон М. Стратегия психотерапии / М. Эриксон. – СПб.: Издательский Дом «Ювента», М.: КСП+, 2000. – 512 с.
20. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К. Г. Юнг. – К.: Айкало, 1994. – 405 с.
21. Boas F. The Religion of the Kwakiutl Indians / F. Boas // Columbia University Contribution to Anthropology. – 1930. – № 10. – P. 1-2.
22. Haley J. Therapy – a new phenomenon. In J. Zeig (Ed) / J. Haley // Evolution of psychotherapy. – N Y.: Brunner / Mazel, 1987. – P. 17-28.
23. Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie, 9 Aufl / K. Jasper. – Springer, Berlin-Heidelberg New-York, 1975. – 748 s.
24. Luborsky L., Singer B. Comparative studios of psychotherapy: Is it true that «everone won and all must have prices»? / L. Luborsky, B. Singer // Arch. Gen. Psychiatr. 1975. – V. 32. – P. 99-108.

Стаття надійшла до редакції 30.10.2011 р.